

КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ

У Игоря Бурдонова нет плохих стихов и нет плохой прозы. В этом отношении между его стихами и прозой нет разницы, как, впрочем, и в других отношениях: поэзия Игоря Бурдонова убедительно оспаривает наличие разниц в мире, и само её совершенство – не достоинство, а неотъемлемое свойство, что предъявляет к читателю особые требования: читателю начинает хотеться какого-нибудь просчета, промаха, чего-нибудь человеческого, слишком человеческого; но совершенство не допускает никакого "слишком", а человек в мире Игоря Бурдонова – как любой другой предмет, всё или ничего.

Странное совершенство книги в том и заключается, что в ней нет разницы между всем и ничем. Хочется сказать, что в этом китайские корни книги, ибо Дао именно таково: оно всё, что есть, но именно поэтому оно также и то, чего нет. Автору, действительно, близко такое мироощущение. Поэтому многие его стихи и притчи читаются как переводы с китайского, впрочем, с неменьшим основанием можно сказать: для того, кто прочитает, а, главное, переживёт эту книгу, классическая китайская поэзия окажется переводом этих своих позднейших отголосков, подтверждающих её подлинность. При этом Игорь Бурдонов – не какой-нибудь безродный космополит. В сущности, он певец своей родной деревни, русской деревни Липовки, но, оказывается, лирическая хроника деревни Липовка вполне вписывается в древнейшую книгу Лао-цзы "Даодэцзин", или, вернее, книга Даодэцзин совершенно вписывается в хронику деревни Липовки, с чем сам Лао-цзы, наверное, охотно согласился бы.

Многие стихотворения и притчи Игоря Бурдонова читаются как идиллия, но идиллия эта жутковатая:

Все десять душ моих поднимались по склону горы.
А у склона горы не было конца.
И у горы не было вершины.
А только камни, сосны, цветы и небо,
и солнце, и облака.
Изредка встречали мы хижину горную.
Там жил пастух или не жил никто.
Или не жил никто.
Или не жил никто.

Русский язык вынуждает автора сказать: "Не жил никто". Другой язык позволил бы сказать: "там жил никто", и это было бы точнее.

Идиллия Бурдонова основывается на том, что в мире не осталось ничего, кроме трагического, а, следовательно, трагического тоже не осталось. Эту ситуацию Игорь Бурдонов фиксирует с бесстрастной, бесстрашной точностью:

Да что, в самом деле:
Родина! Народ! Любовь! Дух! Бог!
А всего-то – пара литров мозгов,
в которых утомлённо плавают
десяток стоящих воспоминаний,
и тикает, тикает, тикает адская машинка...

Таково жизненное пространство Игоря Бурдонова: ничья земля между Борхесом и Кафкой, но ни у того, ни у другого нет никакой земли, кроме ничьей земли, и Вселенная – только роковая ничья в шахматной партии, которую разыгрывает никто с другим "никто". Страшнее всего, когда даже трагического нет, так как исчезла разница между человеком и Богом:

И в третий раз пришёл Бог к человеку.
Но человек запер двери дома своего,

и не пустил Бога.
И раскаялся Бог в гордыне своей.
И не стало Бога.
И пришёл час
и умер человек.
И пришёл человек к Богу.
И вот видит: нет Его.
И не стало человека.

Никто ещё до сих пор не раскрыл с такой силой жуткую подоплёку бессмысленных слов: Бога нет. Эти два слова тождественны двум другим словам: конец вечности. Но если у вечности есть конец, значит у неё не было начала: ничего не было. В таком выводе, действительно, исчезает разница между совершенством и полным провалом, но единственным опровержением этого вывода остаётся сама совершенная книга Игоря Бурдонова, как бы первая и последняя книга в мире.

В. Микушевич,
*действительный член Независимой академии
эстетики и свободных искусств*

9.03.1996.